

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯПРИНЦИП КОМПЛЕМЕНТАРНОСТИ В СИСТЕМЕ ПРИНЦИПОВ
УГОЛОВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ© 2008 г. А. Р. Каюмова¹

Одним из знаменательных событий в обеспечении международного правопорядка конца XX–начала XXI вв. явилось учреждение мировым сообществом судебного органа, призванного осуществлять уголовную юрисдикцию в отношении категории правонарушений, выделенных в качестве наиболее тяжких и опасных, – Международного уголовного суда (МУС).

В целом положительно оценивая вступление Римского Статута МУС в силу, юристы-международники с озабоченностью отмечают существование ряда проблем, могущих стать препятствием для отправления международного уголовного правосудия, в частности вопросы совместимости Статута и национальных правовых систем в части передачи собственных граждан, лишения иммунитета должностных лиц, разрешения конкуренции юрисдикции национальных судебных органов и Международного уголовного суда.

В международно-правовой доктрине понятие “конкурентная юрисдикция” рассматривается сравнительно редко, и для его определения представляется необходимым рассмотреть определенные юрисдикции в целом.

Термин “юрисдикция” (лат. *jurisdiction* – судопроизводство, от *jus* – право и *dico* – говорю) широко используется как в доктрине, так и в международно-правовой практике. Однако понятие юрисдикции в науке международного права трактуется далеко неоднозначно и имеет различные толкования². Например: “юрисдикция есть проявление государственного суверенитета и означает государственную власть, ее объем и сферу действия”³; “юрисдикция государств – одна из наиболее спорных областей международного права, затрагивающая возможность применения внутреннего закона государства к событиям и индивидам, находящимся за пределами его территории, при обстоятельствах, затрагивающих интересы других государств”⁴. Таким образом, ученые

вкладывают в него разное смысловое значение, отождествляя его с понятиями суверенитета, территориального верховенства, компетенции⁵.

В двухтомном труде проф. С.В. Черниченко под юрисдикцией понимается облеченная в правовую оболочку возможность государственного принуждения. Ею можно считать определяемую государством возможность и допустимость ожидать и требовать осуществления своих правовых велений (предписаний и запретов) и обеспечивать таковое⁶.

Как следует из приведенных выше определений, понятие юрисдикции в международном праве остается вопросом дискуссионным. При этом одни авторы ограничивают его правоприменительной деятельностью государства (юрисдикция в узком смысле слова), другие наряду с правоприменительной деятельностью включают в юрисдикцию действие норм права в пространстве и по кругу лиц (расширительное толкование).

На наш взгляд, юрисдикция государства выражается в возможности государственных органов осуществлять правовое регулирование общественных отношений и обеспечивать его соблюдение посредством применения механизма государственного принуждения.

В доктрине, как в отечественной, так и в зарубежной, принята определенная классификация юрисдикции государства. И.И. Лукашук в своем исследовании проводит следующую классификацию юрисдикции государств: *по действию в пространстве* – территориальная и экстратерриториальная; *по характеру власти* – законодательная, исполнительная (административная) и судебная; *по объему* – полная и неполная (автор отмечает, что государство осуществляет полную юрисдикцию в пределах своей территории и ограниченную – в пределах специальной экономической зоны моря и континентального шельфа, а также в отношении своих граждан за рубежом); *по объему действия права* – предписывающая (власть государства устанавливать обязательные для физических и юридических лиц нормы), судебная (власть государства подчинять физических и

¹ Доцент кафедры конституционного и международного права Казанского государственного университета, кандидат юридических наук.

² См.: Akehurst M. Jurisdiction in International Law // Jurisdiction in International Law. Dartmouth, 1999. P. 145.

³ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. Учебник. М., 1996. С. 298.

⁴ Schachter O. International Law in Theory and Practice // Martinus Nijhoff Publishers. Dordrecht/Boston/London, 1997. P. 250.

⁵ См.: Галенская Л.Н. Проблемы сотрудничества государств в борьбе с преступностью. Л., 1978. С. 35.

⁶ См.: Черниченко С.В. Теория международного права. В 2-х т. М., 1999. С. 111–139.

юридических лиц выносимым его судами и другими органами решениям, т.е. актам применения права), юрисдикцию принуждения (власть государства принуждать к соблюдению права и актов его применения)⁷.

Используя критерий *действия норм права* по кругу лиц, в доктрине выделяют персональную и универсальную юрисдикции.

Представляется, что возможным критерием классификации юрисдикции может послужить также *характер регулируемых отношений*, в соответствии с которым юрисдикцию можно разделить на административную, гражданскую, уголовную.

Проблемы уголовной юрисдикции государств, как известно, всегда занимали центральное место в международном уголовном праве. Определение пространственной сферы действия уголовного закона – один из самых ранних институтов международного уголовного права, к которому в основном сводился предмет его правового регулирования. В этом отношении характерно содержание работ по международному уголовному праву русских и зарубежных ученых-международников до октябрьского периода⁸.

Осуществление государством уголовной юрисдикции в отношении физических лиц, совершивших преступление, основано на ряде принципов. Основными из них являются: территориальный; персональный (национальный принцип активного гражданства); принцип защиты (безопасности или реальный); пассивный персональный (принцип пассивного гражданства) и универсальный.

Так, проф. А. Абрамовский пишет: “Пять принципов, которые позволяют государствам осуществлять юрисдикцию в отношении транснациональных преступлений, это: территориальный – зависящий от места совершения преступления; национальный – зависящий от гражданства правонарушителя; защиты – зависящий от того, нарушены ли интересы государства; универсальный – зависящий от того, рассматривается ли данное нарушение как угроза всему человечеству; пассивного гражданства – зависящий от гражданства жертвы преступления”⁹.

⁷ См.: Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право. Учебник. М., 1999. С. 38–39.

⁸ См.: Piggot F.T. Extraterritoriality. The Law relating to consular jurisdiction and to residence in oriental countries. Hong Kong-London, 1907.

⁹ Abramovsky A. Extraterritorial Jurisdiction; The United States Unwaranted Attempt to International Law in United States v. Yunis // The Yale journal of international Law. Vol. 15. № 1. 1990. P. 19.

И. Камерон к названным пяти добавляет еще принцип флага и представительный принцип, или принцип распределения компетенции¹⁰.

Одним из основных юрисдикционных принципов в международном праве является принцип территориальности. *Территориальная юрисдикция* предполагает полное осуществление уголовной юрисдикции государства в отношении всех лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние и находящихся в пределах его территории. Это правило распространяется как на граждан этого государства, так и на иностранцев и лиц без гражданства.

Принцип территориальности, лежащий в основе территориальной юрисдикции, в последнее время расширен в теории и практике в связи с разнообразием ситуаций, попадающих под его действие. В этом контексте выделяют субъективный и объективный принципы территориальности. В первом случае государство имеет право осуществлять уголовную юрисдикцию в отношении преступления, совершенного на его территории, но оконченного за границей (субъективная территориальность). Во втором – под юрисдикцию государства может попасть преступление, которое в целом совершено за пределами территории государства, однако его последствия затрагивают интересы этого государства (объективная территориальность)¹¹. Как отмечает К.М. Миссен, государство может привлечь к ответственности на основании принципа территориальности в том случае, если по крайней мере часть преступления была совершена на его территории¹².

Согласно ст. 27 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. уголовная юрисдикция прибрежного государства не должна осуществляться на борту иностранного судна, проходящего через территориальное море, для ареста какого-либо лица или производства расследования в связи с любым преступлением следующих случаев: когда последствия преступления распространяются на прибрежное государство; когда преступление имеет такой характер, что им нарушается спокойствие в стране или добрый порядок в территориальном море.

В ряде случаев осуществление уголовной юрисдикции государства на своей территории предусматривает некоторые изъятия. Речь идет об иммунитете отдельных категорий лиц, закрепленном в обычных и договорных нормах права внешних сношений. Основными международно-

¹⁰ См.: Cameron I. The protective principle of international criminal jurisdiction. Dartmouth, 1994. P. 19.

¹¹ См.: Kawagishi Sh. Extraterritoriality and International Law // Trilateral Perspectives on International Legal Issues: relevance of domestic law and policy. Irvington, 1996. P. 150.

¹² См.: Extraterritorial Jurisdiction in Theory and Practice. London–The Hague–Boston, 1996. P. 106.

правовыми актами в данной области являются Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г.; Венская конвенция о консульских сношениях 1963 г.; Конвенция о специальных миссиях 1969 г. и др.

Дипломатический иммунитет подразумевает определенные изъятия из-под уголовной юрисдикции государства пребывания: в отношении таких лиц нельзя возбудить уголовное дело, они не могут предстать перед судом в качестве обвиняемых и подвергнуты наказанию. В случае совершения ими особо тяжкого преступления такие лица могут быть объявлены персоной нон грата и выдворены за пределы государства. Круг лиц, обладающих иммунитетом, определяется конвенциями и двусторонними соглашениями государств. К ним относятся: высшие должностные лица государств и международных организаций; дипломатические агенты; представители государств при международных организациях; сотрудники специальных миссий; в ряде случаев – консульские агенты; члены семей указанных лиц.

Экстратерриториальная юрисдикция предполагает возможность осуществления юрисдикции государства за пределами его территории. “Споры относительно допустимости применения национального права государства за пределами его территории возникали и возникают снова и снова”¹³.

В отечественной доктрине международного уголовного права для обозначения этого вида юрисдикции иногда используют термин “экстратерриториальная”¹⁴. В ее основе лежат все остальные принципы осуществления уголовной юрисдикции: персональный (национальный); защиты (реальный); пассивного гражданства и универсальный.

Согласно *персональному (национальному, актинового гражданства) принципу* действие уголовного-правовых норм государства распространяется на своих граждан, независимо от места их нахождения. С практической точки зрения персональная юрисдикция имеет большое значение в том случае, когда правонарушитель находится за пределами государственной территории, а значит, и вне пределов действия территориального принципа юрисдикции, а именно: на территориях с международным и смешанным правовым режимом и на территории другого государства.

Осуществление персональной юрисдикции государства в отношении отдельных категорий граждан, находящихся в пределах международной территории и территории со смешанным режимом, предусматривается международно-правовыми нормами. В частности, Договор об Антарктике 1959 г. закрепляет: “Для содействия осуществлению своих функций на основании настоящего Договора... наблюдатели, назначенные в соответствии со ст. VII п. 1, и научный персонал, которым обмениваются согласно ст. III п. 1(b) Договора, а также персонал, сопровождающий любых таких лиц, находятся под юрисдикцией только той Договаривающейся стороны, гражданами которой они являются, в отношении всех действий или упущений, имеющих место во время их пребывания в Антарктике для выполнения своих функций”. Ряд международных соглашений устанавливает персональную юрисдикцию государства в отношении граждан и объектов, находящихся вне пределов государственной территории имеющих с ним устойчивую правовую связь: Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. (ст. 8); Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г. (ст. 12); Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. (ст. 56, 79, 94, 97); Конвенция о преступлениях и некоторых других действиях, совершенных на борту воздушного судна, 1963 г. (ст. 3) и др.

Некоторые ученые, больше теоретически, чем практически, в качестве основы экстратерриториальной уголовной юрисдикции выделяют *принцип флага* государства, применяемый на борту морских и воздушных судов. Независимо от того, какой статус имеют морские суда и летательные аппараты (как государственная территория или как объекты, имеющие с государством устойчивую правовую связь), все государства устанавливают юрисдикцию над преступлениями, совершенными на борту зарегистрированных в них судов независимо от национальности преступника. Установление такой юрисдикции возможно в случаях, когда судно находится в территориальных водах другого государства во время совершения преступления, а самолет находится в пределах его воздушной территории.

Любое государство имеет право реагировать на преступление, которое совершено за рубежом и которое непосредственно затрагивает его существенные интересы. В основе этого положения лежит *принцип защиты (безопасности или реальный)*. Основанная на этом принципе экстратерриториальная уголовная юрисдикция государства возникает в тех случаях, когда безопасность его интересов, затронутых преступлением, вследствие различных причин не может быть обеспечена другим государством, на территории которо-

¹³ См.: Schachter O. International Law in Theory and Practice. Dordrecht/Boston/London, 1997. P. 250.

¹⁴ На наш взгляд, “экстратерриториальность” и “экстерриториальность” – похожие с точки зрения русского языка, но далеко не идентичные понятия. Зарубежные авторы для обозначения указанного вида юрисдикции пользуются первым термином.

го произошло преступление или гражданином которого является преступник.

Для установления юрисдикции потерпевшего государства на основе принципа защиты не обязательно закрепление преступности и наказуемости деяния в законодательстве обоих государств, однако такая юрисдикция может быть реализована лишь в отношении определенной категории преступлений. В одних государствах такая группа преступлений достаточно ограничена, в других – этот перечень весьма обширен. Общим правилом остается то обстоятельство, что юрисдикция государства, основанная на принципе защиты, может возникнуть только в отношении тех деяний, которые нарушают его действительно существенные интересы, к которым относятся: национальная безопасность; финансовая стабильность; безопасность государственных должностных лиц, дипломатических и консульских агентов. В последнее время наблюдается тенденция включения в разряд существенных интересов государства торговых отношений; отношений по охране окружающей среды; безопасность морских и воздушных сообщений и др.

Следует отметить, что Уголовный кодекс РФ 1996 г. в части действия уголовного закона в пространстве и по кругу лиц впервые предусмотрел принцип защиты, который долгое время отрицался отечественной наукой и практикой. Теперь иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно на территории Российской Федерации и совершившие преступление вне ее пределов, подлежат уголовной ответственности в случаях, если преступление было направлено против интересов Российской Федерации (п. 3 ст. 12).

Принцип пассивного гражданства (пассивный персональный). Согласно данному принципу, гражданство потерпевшего становится основой для отправления экстратерриториальной уголовной юрисдикции этим государством. При этом гражданство лица, совершившего преступление, не учитывается.

Как отмечается в международно-правовой литературе, практическое применение данного принципа – вопрос дискуссионный¹⁵, и, несмотря на то что отдельные государства закрепляют принцип пассивного гражданства в качестве основания отправления экстратерриториальной юрисдикции, он не является общепризнанным.

Реализация принципа пассивного гражданства в государствах различна: в одних государствах он применяется ко всем преступлениям, в других – к наиболее серьезным. В ряде случаев в законодательстве государства закрепляются условия, на

основании которых принцип применяется, это – заявление потерпевшего; присутствие предполагаемого преступника; наказуемость деяния по законодательству обоих государств и др.

Ряд международно-правовых норм предусматривает юрисдикцию государства на основе принципа пассивного гражданства. Этот принцип закреплен конвенциями, касающимися отдельных проявлений терроризма: Гаагской конвенцией по борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г.; Монреальской конвенцией о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, 1971 г.; Конвенцией ООН о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, 1988 г. и др.

Отдельные ученые в качестве основания экстратерриториальной уголовной юрисдикции рассматривают *принцип представительства (распределения компетенции)*. Суть его заключается в том, что государство может осуществлять исполнительную экстратерриториальную юрисдикцию в отношении любых преступлений по просьбе другого государства.

Принцип представительства лежит в основе Конвенции Совета Европы о передаче судопроизводства по уголовным делам 1972 г., целью заключения которой явилось максимальное разрешение конкуренции юрисдикций государств. Государство – участник Конвенции по просьбе другого договаривающегося государства компетентно в соответствии со своим собственным уголовным законодательством осуществлять преследование за любое правонарушение, к которому применимо уголовное законодательство последнего. Таким образом, одним из условий установления уголовной юрисдикции, основанной на принципе представительства, являются преступность и наказуемость деяния в обоих государствах. Приложение Конвенции содержит перечень адаптированных составов преступлений.

Большое значение с точки зрения привлечения к ответственности лиц, виновных в совершении особо тяжких преступлений, создающих угрозу всему мировому сообществу, имеет *принцип универсальности*. Он предусматривает возможность осуществления уголовной юрисдикции государства в отношении преступлений, признанных таковыми международным правом, независимо от места совершения преступления, гражданства преступника и потерпевшего.

Историю развития принципа универсальности связывают с осуществлением государствами уголовной юрисдикции в отношении такого преступления, как пиратство. Обычная норма международного морского права предусматривала возможность любого государства, захватившего пиратов в открытом море или в другом месте, на

¹⁵ См.: Extraterritorial Criminal Jurisdiction // Council of Europe, Publications and Documents Division. Strasbourg, 1990. P. 12.

казать преступников. Кодификация морского права в 1958 и 1982 гг. превратила этот обычай в договорную норму общего международного права.

Сегодня принцип универсальности закреплен многими конвенциями в части отправления юрисдикции государств в отношении таких международных и транснациональных преступлений, как: геноцид, военные преступления; захват заложников; преступления против безопасности гражданских авиации; пиратов; распространение наркотических средств и психотропных веществ; преступления против дипломатического персонала. Международное сообщество идет в направлении признания все большей категории преступлений – преступлениями, создающими угрозу международной безопасности, и ряд конвенций, принятых в последнее время, также основаны на универсальном принципе, среди них Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.

Теоретически государство может осуществлять юрисдикцию на основе принципа универсальности как в том случае, если преступление направлено против него и его граждан, так и тогда, когда его интересы непосредственно не затронуты. В этой связи достаточно хрестоматийно выглядит процесс, проведенный в 90-х годах Соединенными Штатами над генералом Норьегой, которому было предъявлено обвинение в торговле наркотиками и в совершении преступлений против человечности. Не вдаваясь подробно в дискуссии по поводу законности доставки генерала в суд, отметим лишь, что данный случай является классическим примером экстратерриториальной юрисдикции государства, основанной на универсальном принципе.

Однако в целом практика национальных судов относительно рассмотрения дел на основании принципа универсальности весьма незначительна¹⁶. Одной из причин является необходимость закрепления на национальном уровне достаточной компетенции судов в отпращивании правосудия в отношении такой категории дел. Даже если законодательство государства предусматривает возможность осуществления универсальной юрисдикции в отношении определенных деяний, специфика уголовного права такова, что составы этих преступлений должны быть предусмотрены уголовным законом государства. Трудно согласиться с теми авторами, которые пишут, что универсальная юрисдикция в отношении международных преступлений “не требует криминализации в национальном уголовном праве”¹⁷. В

частности, в Российской Федерации преступность и наказуемость деяния определяются только Уголовным кодексом РФ, и в свете постановления ПВС РФ от 10 октября 2003 г. невозможно применение судами общей юрисдикции международных договоров Российской Федерации лишь на основании простой отсылки.

Исследование общих вопросов уголовной юрисдикции государств позволяет сделать некоторые выводы. В частности, существование различных принципов отправления государствами уголовной юрисдикции предполагает возникновение конкуренции (коллизии) юрисдикции государств. На это неоднократно указывали в своих исследованиях как российские, так и зарубежные ученые. При этом конкуренция юрисдикции государств определяется как “установление одновременно юрисдикции различных государств в отношении одного и того же лица (лиц) или объектов, а также осуществление или попытка осуществления ими своей юрисдикции в отношении соответствующего лица (лиц) или объектов”¹⁸.

Столкновение определенных интересов государств в области осуществления уголовной юрисдикции, на наш взгляд, – проблема неизбежная, поскольку она имеет не столько правовую подоплеку, сколько политический окрас. Опыт сотрудничества показывает, насколько различными могут быть ситуации, связанные с конкуренцией юрисдикций государств, основанных на различных принципах. Практическое разрешение подобных столкновений интересов зависит от многих факторов: национального законодательства; места совершения преступления; характера преступления; личности преступника и др.

В этой связи ученые отмечают, что основанная на персональном принципе юрисдикция носит ограниченный характер, являясь лишь предписывающей¹⁹, исполнительная же и судебная юрисдикции могут осуществляться государством тогда, когда субъект находится в пределах полной юрисдикции государства. Поскольку полная юрисдикция осуществляется в соответствии территориальным принципом, постольку коллизия этого принципа с принципом персональным решается в пользу первого.

Вопросы конкуренции юрисдикции рассматриваются сегодня не только в области осуществления уголовной юрисдикции государств, основанной на различных принципах, но также и в части существования параллельной юрисдикции

¹⁶ См.: Бекленишева И.В. Универсальная юрисдикция: актуальные вопросы теории и практики // Росс. юрид. журнал. 2002. № 2. С. 27.

¹⁷ См.: Фисенко И.В. Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве. Минск, 2000. с. 177.

¹⁸ Черниченко О.С. Конкуренция юрисдикций государств и порождаемые ею проблемы в межгосударственных отношениях // Международное публичное и частное право. 2002. № 4(8). С. 20–27.

¹⁹ Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право. Учебник. С. 39; Черниченко С.В. Теория международного права. С. 131.

национальных и международных уголовных судебных органов²⁰. Они стали возникать сравнительно недавно, в основном в связи с функционированием международных уголовных трибуналов *ad hoc* по бывшей Югославии и по Руанде.

В Статуте Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (МУТЮ) употребляется термин “параллельная юрисдикция”, который используется для обозначения юрисдикции как самого Трибунала, так и возможностей национальных судебных органов осуществлять юрисдикцию в отношении преступлений, закрепленных в Статуте (ст. 9). При этом Статут исходит из приоритета юрисдикции Трибунала над национальными судами и “может официально просить национальные суды передать производство по делу Международному трибуналу в соответствии с Уставом”. Вместе с тем Статут закрепляет обязательства государств сотрудничать с Трибуналом, осуществляя различные процессуальные мероприятия, в частности: опознание и установление местонахождения лиц; снятие свидетельских показаний и производство действий по сбору доказательств; вручение документов; арест и задержание лиц; выдачу и передачу обвиняемых Международному трибуналу (ст. 29).

Таким образом, конкуренция юрисдикций в этом смысле – есть более чем просто одновременное установление юрисдикций в отношении одного и того же лица национальным и международным судебными органами, это – *комбинация различных видов юрисдикции* – территориальной и экстратерриториальной; предписывающей, исполнительной и судебной; персональной и универсальной и т.д.

Однако параллельная юрисдикция, как она закреплена в Статутах Международных уголовных трибуналов *ad hoc*, далеко небезупречна по той причине, что трибуналы имеют особый правовой статус, вытекающий из их учреждения на основе резолюций Совета Безопасности ООН в качестве подведомственных органов Совета. Как следствие этого они действуют в рамках резолюций Совета, обязательных для стран – участниц ООН. Приоритет, которым были наделены Трибуналы, стал причиной острой полемики, поскольку, по мнению государств, размывает понятие государственного суверенитета.

В этом отношении более прогрессивной, на наш взгляд, и принципиально новой формой существования юрисдикции стала так называемая “дополнительная” юрисдикция, закрепленная в Римском Статуте Международного уголовного суда и основанная на принципе комплементарности (дополнительности).

Известно, что впервые вопрос о создании Международного уголовного суда (МУС) был поставлен Генеральной Ассамблеей ООН перед Комиссией международного права еще в 1948 г. В то время он непосредственно связывался с осуществлением правосудия в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступления геноцида и других правонарушений, отнесенных к компетенции суда. В связи с нерешенностью вопроса об определении агрессии и незавершенностью разработки проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества идея создания МУС была отложена на неопределенное время.

Новый этап рассмотрения в Комиссии международного права проблемы создания МУС начался в 1990 г. с принятием резолюции 44/39 ГА ООН от 4 декабря 1989 г., в которой Генеральная Ассамблея предложила Комиссии международного права продолжить свою работу над проектом Статута МУС с тем, чтобы выработать этот проект на сессии КМП в 1994 г. Комиссия представила такой проект 49-й сессии ГА ООН. Было принято решение создать Специальный комитет для более полного учета позиций государств. На смену Специальному комитету пришел Подготовительный комитет, который собирался в 1996 и 1997 гг., закончив свою работу в апреле 1998 г. В то время как переговорный процесс в Специальном комитете носил общий характер и был сориентирован на главный вопрос – было ли предложение по созданию суда серьезным и жизненно важным, дискуссии на этапе Подготовительного комитета фокусировались конкретно на тексте Статута суда.

Одним из важнейших вопросов, обсуждавшихся в рамках Специального и Подготовительного комитетов, явилось признание концепции Международного уголовного суда в качестве органа, дополняющего национальные судебные органы. При этом в своем Докладе по вопросу учреждения МУС Специальный комитет подчеркивал, что в намерения Комиссии международного права и Комитета не входила замена национальных судебных органов Судом при ведении уголовного судопроизводства, однако и юрисдикция Суда не должна была стать просто остаточной²¹.

В итоге Римский статут создает принципиально новую модель, которая не согласуется ни с одной из существующих моделей национальной уголовной юрисдикции, ни с существующей в рамках Трибуналов *ad hoc* международной уголовной юрисдикцией.

²⁰ См.: Treaty enforcement and International cooperation in criminal matters. The Hague, 2002. P. 53.

²¹ Подробнее обсуждение принципа комплементарности в проекте Статута МУС см.: Солера О. Дополнительная юрисдикция и международное уголовное правосудие // Межд. журнал Красного Креста – 2001. Сборник статей / Пер. с англ. и фр. М., 2002. С. 47–79.

Принцип дополнительности (комплементарности) устанавливает, что юрисдикция МУС вводится только в том случае, когда национальные правовые системы не могут или не желают осуществлять юрисдикцию. Таким образом, в случаях совпадения юрисдикций между национальным судом и Международным уголовным судом первый из них в принципе имеет приоритет. МУС не ставит целью заменять национальные суды и действует только тогда, когда они не действуют.

Прежде всего дополнительный характер МУС подчеркнут в Преамбуле: “подчеркивая, что Международный уголовный суд, учрежденный на основании настоящего Статута, дополняет национальные органы уголовной юстиции...”²².

Наиболее важные практические последствия принципа комплементарности расшифрованы в ст. 1 – “Суд”; 17 – “Вопросы приемлемости” 18 – “Предварительные постановления, касающиеся приемлемости” и 19 – “Протесты в отношении юрисдикции Суда или приемлемости дела к производству” Римского Статута.

Статья 17 отражает важнейшие элементы взаимоотношений Суда и национальных судебных органов и определяет условия приемлемости дела к производству в МУС. При этом статья истолковывает юрисдикцию МУС от противного, определяя обстоятельства, которые необходимы для осуществления юрисдикции Судом.

Согласно ст. 17.1 дело не может быть принято к производству в тех случаях, когда: а) дело расследуется или в отношении него возбуждено уголовное преследование государством, которое обладает в отношении него юрисдикцией, за исключением случаев, когда это государство не желает или неспособно вести расследование или возбудить уголовное преследование должным образом; б) дело расследовано государством, которое обладает юрисдикцией в отношении него, и это государство решило не возбуждать в отношении лица, которого это касается, уголовного преследования, за исключением случаев, когда это решение стало результатом нежелания или неспособности государства возбудить уголовное преследование должным образом; в) лицо, которого это касается, уже было судимо за поведение, которое является предметом данного заявления, и проведение судебного разбирательства Судом не разрешено на основании п. 3 ст. 20; г) дело не является достаточно серьезным, чтобы оправдывать дальнейшие действия со стороны Суда.

Данные условия следует рассматривать в совокупности, т.е. они все должны быть соблюдены для того, чтобы Суд мог принять дело к рассмотрению.

²² См.: Док. ООН A/CONF.183/9 от 17 июля 1998 г.

Пункты 2 и 3 ст. 17 определяют критерии нежелания и неспособности государства осуществлять судебное разбирательство на национальном уровне. Для определения *нежелания* государства такими критериями выступают: а) судебное разбирательство проводится с целью оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности; б) имела место необоснованная задержка с проведением судебного разбирательства, которая несовместима с намерением предать соответствующее лицо правосудию; и в) компетентный внутригосударственный судебный орган не является независимым и беспристрастным.

В качестве критерия, определяющего *неспособность* государства осуществить судебное преследование, отмечается полный либо существенный развал или отсутствие судебной системы, когда государство не имеет возможности вести судебную процедуру.

Статья 18 Статута является другим проявлением принципа комплементарности. Она требует, чтобы перед тем, как дело будет разбираться в Суде по инициативе прокурора, он известил все государства, участвующие в Статуте, и те государства, которые обычно осуществляли бы юрисдикцию в отношении данных преступлений. Только в случае обращения Совета Безопасности ООН (ст. 13(b)) нотификация не требуется. Во всех остальных случаях государство, которое имеет юрисдикцию, может информировать Суд, что оно расследовало или расследует дело. В этом случае прокурор передает расследование в компетенцию государства, за исключением тех случаев, когда палата предварительного производства разрешает проведение расследования прокурору.

Статья 19 регулирует порядок подачи протестов в отношении приемлемости дела к производству Судом.

Ряд положений, конкретизирующих определение приемлемости дела к производству Судом, содержится в Правилах процедуры и доказывания (гл. 3)²³.

Исходя из положений Римского Статута, можно выделить следующие этапы производства в Международном уголовном суде, которые имеют в своей основе принцип комплементарности: возбуждение расследования, которое предпринимается прокурором, если дело было передано государством-участником, Советом Безопасности либо по собственной инициативе; направление прокурором уведомления о намерении возбудить расследование всем государствам-участникам и тем государствам, которые обычно осуществляли бы юрисдикцию в отношении преступления. Эти государства в течение месяца должны проин-

²³ См.: Док. ООН PCNICC/2000/1/Add.1.

формировать Суд о том, расследовали ли или расследуют они это деяние. В этом случае прокурор передает дело государству; при условии наличия достаточных оснований для возбуждения расследования прокурор обращается в палату предварительного производства с просьбой дать соответствующую санкцию (обращение следует даже в том случае, если дело расследуется государством); Палата предварительного производства может разрешить прокурору проведение расследования либо отказать ему, что может быть обжаловано в апелляционной палате либо заинтересованным государством, либо прокурором; при наличии достаточных доказательств прокурор обращается в палату предварительного производства с просьбой выдачи ордера на арест или приказа о явке в Суд; после предоставления лица в распоряжение Суда либо после его добровольной явки в Суд палата предварительного производства проводит слушание по вопросу об утверждении обвинений, по результатам которого президиум может создать судебную палату, которая будет отвечать за проведение последующего разбирательства. Приемлемость дела к производству или юрисдикция Суда могут быть опротестованы только один раз – до начала или в начале разбирательства.

Несмотря на то что принцип комплементарности сформулирован в положениях Статута достаточно четко, на наш взгляд, он содержит в себе немало сложных вопросов.

Во-первых, процедура установления “нежелания” и “неспособности” государства осуществлять расследование может оказаться малоэффективной. Если “неспособность” еще можно оценить как объективный фактор, то “нежелание” является проявлением субъективной стороны деяния. С этой точки зрения можно вспомнить обсуждение в Комиссии международного права проекта статей об ответственности государств. Комиссия международного права не включила в проект статей элемент вины государства как необходимый признак правонарушения, прежде всего, стремясь избежать сложностей при доказательстве вины как субъективного отношения к правонарушению.

Во-вторых, принцип *non bis in idem* может быть нарушен вследствие применения принципа комплементарности, как он закреплен в ст. 17 и с учетом положений ст. 20 Статута. На основании общих принципов права и без оговорок Уголовный кодекс РФ гласит: “Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление” (п. 2 ст. 6).

В-третьих, в случае возникновения конкуренции между государством и Судом и при поддержке юрисдикции последнего палатой предварительного производства и апелляционной палатой

может возникнуть проблема передачи лица государством в ведение Международного уголовного суда.

Тем не менее, анализируя принцип комплементарности с точки зрения совместимости его содержания с национальными правовыми системами, Н. Сафаров отмечает, что, “как показывает процесс ратификации Римского Статута, принцип комплементарности не создает особых проблем для государств, становящихся его участниками”²⁴, главным образом потому, что целый ряд международных договоров, содержащих составы международных преступлений, предусматривает обязательство государств-участников ввести в национальное законодательство соответствующие положения, а значит, предусмотреть эффективные меры наказания лиц, виновных в их совершении.

Таким образом, к существующим сегодня принципам отправления уголовной юрисдикции государств можно добавить современные принципы, которые обеспечивают отправление юрисдикции в отношении пока наиболее серьезных и тяжких преступлений, выделенных международным сообществом в категорию преступлений против мира и безопасности человечества, – *принцип параллельности и принцип комплементарности*. Оба принципа имеют в своей основе соприкосновение юрисдикций национальных и международных судебных органов и предполагают существование определенной конкуренции в части отправления правосудия.

Принцип параллельности, выведенный из Статутов Международных уголовных трибуналов *ad hoc*, реализуется в юрисдикции международных судебных органов, основанной на обязательствах государств, вытекающих из их членства в такой универсальной международной организации, как Организация Объединенных Наций. При условии конкуренции двух уровней юрисдикции юрисдикция международных судебных органов здесь имеет безусловный приоритет. Применение принципа параллельности, как он сформулирован в Статутах, имеет определенные плюсы и минусы. Среди положительных факторов можно выделить абсолютное достижение неотвратимости наказания за совершенные преступления, среди отрицательных – ограничение такой юрисдикции временными и территориальными рамками, ущемление суверенитета государств в части отправления национальной юрисдикции.

Принцип комплементарности, закрепленный в Римском Статуте, основан на приоритете

²⁴См.: Сафаров Н. Проблемы обеспечения совместимости Римского Статута Международного уголовного суда и национальных правовых систем (Опыт законодательства Азербайджанской Республики). Баку, 2002. С. 30.

национальной уголовной юрисдикции, что с точки зрения реализации государственного суверенитета является безусловным плюсом. Однако и здесь можно обнаружить ряд моментов, вызывающих столкновение и конкуренцию уголовных юрисдикций государства и Международного уголовного суда. Среди них – передача на рассмотрение Суда дела Советом Безопасности ООН и роль прокурора при возбуждении уголовного судопроизводства; обеспечение общего принципа права *non bis in idem*

при отправлении уголовного правосудия; установление нежелания и невозможности государства для осуществления адекватной уголовной юрисдикции.

Актуальность теоретического осмысления принципов отправления уголовной юрисдикции с позиции международного права судом не вызывает сомнений в свете начала функционирования Международного уголовного суда и перспектив их практического применения.